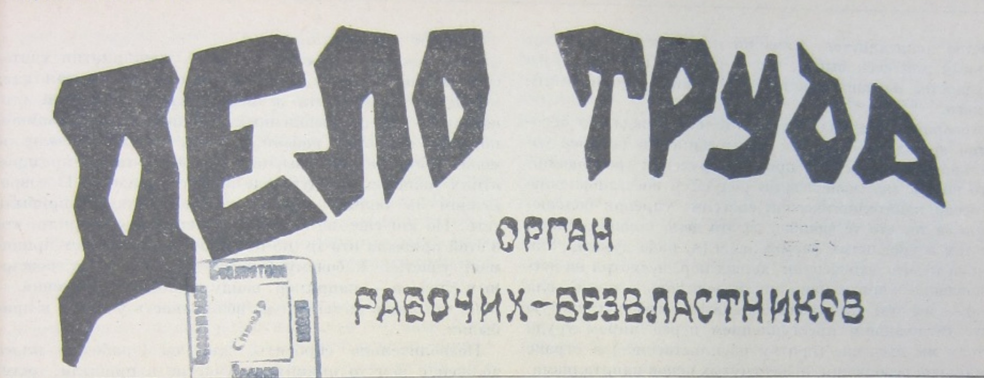
ЦѢНА 5 сент.

№ 10

« DIELO TROUDA » Journal Mensuel
Переписку по делам журнала, рукописи и пр. направлять по адресу :
M. Ferandel, 14, rue du Repos, Paris (20e)

МАРТ 1926

ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНО-БОЛЬШЕВИСТСКАЯ ЛОЖЬ

В годы нэпа большевики ввели крайне удобный для себя термин — «последовательно-социалистический тип хозяйства». Особенно модным этот термин стал у них последнее время. Острие дискуссии перед 14-м с'ездом Р.К.П. и на самом с'езде вращалось, главным образом, вокруг вопроса о том, является ли современное большевистское хозяйство в той или иной степени социалистическим или же нет?

Как мы уже отметили ранее, вопрос этот, при том в решительной и не оставляющей никакого сомнения форме, был поставлен, собственно, не большевиками, а широкой массой труда, идущей в течении ряда лет волною стачек и все настойчивее и громче заявляющей о том, что она вновь очутилась в старом капиталистическом хомуте. В своей дискуссии большевики воспользовались движением масс главным образом для того, чтобы лишний раз назвать этот хомут социалистическим именем.

И государственная промышленность и нэп сверху до низу построены на хищнической эксплуатации трудящихся масс. Назвать эту систему эксплуатации просто социализмом не решаются даже и большевики, привыкшие, вообще говоря, говорить в глаза заведомую ложь. Лишить же эту, питающую их, систему названия социалистической значит поставить себя в еще худшее положение,— в положение партии, порвавшей не только фактически, но и формально с идеями и лозунгами, благодаря которым она только и могла оказаться у власти. И вот их на все способная диалектика создает теорию переходного периода,— теорию долженствующую удалить резкие противоречия между социалистической фразой и капиталистической действительностью большевиков.

— Наш строй еще не вполне социалистический; он находится лишь на пути к социализму, последовательно проходя определенные стадии социалистического развития. Каждая из этих стадий представляет собою последовательно социалистический тип хозяйства.

После такого теоретического обоснования большевики уже без особого неудобства и свою госпромышленность и введенный ими нэп об,явили хозяйством последовательно социалистического типа.

14—ый с,езд Р.К.П. особенно настоятельно подчеркнул положение о последовательно социалистическом типе советского хозяйства и не только подчеркнул это, но устами своих главных представителей заявил, что отныне советская власть приступает к решительному насаждению социализма в стране.

«Мы вступаем в эпоху осуществления того, для чего происходила Октябрская революция. Начинается эпоха органического положительного строительства социализма» (речь Рыкова, «Правда» N2, 1926 г.)

Если Рыков с трибуны партийного с,езда сделал жест в направлении угнетенных масс труда, стремясь обещанием социализма помирить их с комвластью, то Бухарин пошел еще дальше, заявив с чисто хлестаковской развязностью, что не только большевики, но и широкие массы труда видят в развитии нэпа развитие социализма.

Полемизируя с меньшевиками из «Социалистического Вестника», Бухарин пишет: «не только члены нашей партии, но даже широчайшие массы беспартийных понимают тот основной факт, что развитие нэпа есть не только отступление, но и наступление пролетариата, не только развитие капитализма, но и гораздо более быстрое развитие социализма».

И далее: «Когда перед нами чистый тип государственного капитализма в капиталистических странах, то капиталисты владеют средствами производства, ибо у них в руках государство... Что же наше государство есть государство капиталистов?» («Правда» №2, 1926 г.)

Считая, что большевистское государство не есть госу-

дарство капиталистов, Бухарин и делает из этого тот нужный для себя вывод, что и промышленность этого государства не капиталистического типа, а социалистического.

Оговоримся сначала. Нам не только чужда, но абсолютно враждебна позиция меньшевиков в вопросе социально-экономических проблем русской революции. В то время, как меньшевики радуются восстановлению в России капиталистической системы, упрекая большевиков за то, что те взялись за это дело с запозданием, при том в уродливых формах нэпа (а, надо думать, так же и за то, что большевики до сих пор, несмотря на восстановление капитализма, не поделились с ними властью),— мы этот акт ставим большевикам в неискупимую вину. Величайшим преступлением перед миром труда считаем мы введение (притом насильственное) в стране социальной революции низвергнутых основ капитализма.

Бухарин разыгрывает из себя дурачка, не видящего, будто, тех общественных классов, эксплуататорской природе которых служит земельно-промышленный строй большевиков. Прежде всего, одним из этих классов, при том выше других стоящих, является коммунистическая партия большевиков. Эксплуататорская роль этой партии в отношении трудящихся определяется теми социально-политическими и экономическими привиллегиями и монополиями, которые она установила для себя, захватив власть и экономические рессурсы страны. Держа в своих руках тяжелую индустрию, из которой в 18-19 г.г. ею же были насильственно изгнаны всякие зачатки социалистической самодеятельности рабочих; владея огромными земельными поместьями (земельный государственный фонд), монополией внешней торговли, монополией на водку и т.д.; самодержавно и совершенно бесконтрольно распоряжаясь доходами от эксплуатации всех областей народного хозяйства и народного одурения и разорения (водка),— партия большевиков является самым доподлинным хозяином и эксплуататором трудящихся, хозяином не в меньшей, а в большей степени любого капиталистического треста буржуазных стран.

Большевистский «табель о рангах», дающий тем больше материальных благ, чем выше стоит персона в лестнице советской власти; домашний пролетариат («товарищ прислуга»), находящийся в услужении у каждого «сознательного» члена партии, не говоря уже о сановных партийцах, нагулявших потребность в штате прислуги; советская дипломатия, задающая в заграничных буржуазных сферах «блестящие банкеты» (бал-де-гала Раковского) и вообще тратящая на себя и своих приближенных средства, неподдающиеся даже приблизительному учету,— все это характерно для господского, при том эксплуататорского класса, все это ложится на спины рабочих и крестьян не меньшим бременем, чем придворная жизнь сброшенной царской власти.

Сами большевики иногда проговариваются относительно своего господски эксплуататорского положения в народном хозяйстве. Промелькнувший было их проект «участия рабочих в прибылях» как нельзя лучше говорит о капиталистическом нутре их промышленности.

Участие в прибылях?

Прибылью в капиталистическом предприятии считается та неоплаченная часть рабочего труда, которая идет в сундук капиталиста и называется прибавочной стоимостью. В промышленных предприятиях, хозяином которых является рабочий класс, такой прибыли не может быть, ибо все вырабатываемое в таких предприятиях является продукцией рабочего класса. В современном же большевистском хозяйстве такая прибыль есть. Но это еще не главное. Главным является то, что в этой прибыли кто то (но не рабочий класс) уже принимает участие. Рабочему классу, ввиду разных пожарных случаев — например, ввиду всеобщей забастовки — пока что лишь намекают на возможность участия в прибылях.

Позволительно спросить, для чего рабочий класс должен с кем то принимать участие в прибыли, являющейся продуктом только его труда? Кто этот таинственный производитель, уже принявший участие в прибыли, сработанной рабочим классом. Само собой разумеется, что этим «производителем» является компартия, а в частных предприятиях — покровительствуемые ею хозяйчики.

Нам незачем говорить о капиталистических основах госпромышленности большевиков — о наемном труде, заработной плате, в основу которой все больше и больше кладется потогонный метод сдельщины, о бесправии рабочих и самодержавии агентов власти. Точно так же незачем говорить о предприятиях нэповского типа, где все указанные капиталистические основы проводятся частными хозяевами. Все это достаточно известно каждому рабочему, и лишь присущая большевикам особая наглость осмелится эту грязь назвать последовательно-социалистической экономикой.

Будучи кровным детищем «четвертого господского сословия»— социалистической демократии,— компартия по своей природе не могла стремиться ни к какому иному строю, кроме классового, в котором имела бы господское положение. На рабочих и крестьян она могла опереться лишь в период захвата власти и материальных богатств страны, когда для победы над земельно-промышленными классами требовалась огромная разрушительная сила. Достигнув этой победы и укрепившись у власти, компартия последовательно стала осуществлять свою экономическую программу, вначале в форме планового госкапитализма, а затем, ввиду крушения этого плана,— в форме сожительства госкапитализма с частным капиталом. Естественно, она при этом должна была опереться на соответствующие капиталистические группы. Этими группами в городе являются: частный капиталист, частный торговец и их тресты, а в деревне: группы торговцев, кулаков и зажиточных, которые, благодаря советскому закону о наемном труде, о сдаче земли в аренду, поднялись на прежнюю свою классовую высоту и держат в экономической зависимости бедняцкие низы деревни.

Этот то союз трех — компартии, городской и деревенской буржуазии — треплет и грызет теперь трудящихся и применительно к его эксплуататорским потреб-

ностям возводится земельный и промышленный строй С.С.С.Р.

Устами Рыкова 14—ый с,езд Р.К.П. заявил, что настал день осуществления того, для чего совершалась октябрская революция. Само собой разумеется, что цели октябрской революции большевики понимают по своему. Мы им напомним, что пред'октябрское и октябрское движение масс шло под лозунгом — фабрики рабочим! земля крестьянам! — лозунгом, в который трудящиеся вкладывали идею полного своего политического и общественно-хозяйственного самоуправления, идею социалистического строительства и социалистической свободы масс.

Восемь лет большевистской диктатуры привели к воцарению прямо противоположной идеи — идеи государственного капитализма и государственного порабощения масс, так что связь с рабоче-крестьянским *Октябрем* у большевиков давно уже порвана. 14—ый с'езд Р.К.П. окончательно порвал ее, взяв полный курс на капиталиста и кулака. И можно наперед сказать, что вся дальнейшая деятельность большевиков будет касаться расширения и укрепления капитализма в С.С.С.Р. Они, конечно, попрежнему будут стараться выдать свое капиталистическое хозяйство за хозяйство социалистического типа. Но успеха не достигнут. Русский рабочий прекрасно понял большевиков, сказав, что когда те захотят, то и лошадь проведут в члены совета. Вот этой «лошадью в совете» является вся их капиталистическая система в революционной России. Лошадь в совете остается все таки только лошадью. И капитализм большевиков остается только капитализмом, несмотря на то, что они наряжают его в последовательно-социалистические фразы.

П. Аршинов.

ПАМЯТИ КРОНШТАДСКОГО ВОССТАНИЯ

День седьмого марта — скорбный день не только для трудящихся так называемого Союза Социалистических Советских Республик, которые так или иначе причастны к Кронштадским событиям, разыгравшимся в этот день. он тяжелый для трудящихся всех стран. 7-е Марта говорит нам о том, что свободные духом революционные рабочие и матросы Кронштадта потребовали от казнившего Русскую Революцию красного палача — Р.К.П. и ее слуги Советского Правительства».

Кронштадцы требовали от этих государственных вешателей всего лучшего, принадлежащего труженикам села и города по праву революции, ими совершенной.

Они требовали воплощения в жизнь принципов Октябрской революции:

—«Свободного избрания Советов, Свободы слова, печати для рабочих и крестьян, анархистов и левых социалистических партий»...

Российская Коммунистическая партия усмотрела в этом покушение на свое господское положение в стране и, прикрывая свое подлое лицо палача маской революционера и друга трудящихся, об'явила свободных матросов и рабочих революционного Кронштадта контрреволюционерами и бросила против них десятки тысяч темных рабов-красноармейцев с целью истребить этих честных революционных борцов, совесть которых была чиста перед революционным народом и не позволяла им бросаться в об'ятия лжи и подлости Р.К.П., топтавшей права революции, права трудящихся.

7-го марта 1921-го г. в 6 час. 45 м. вечера по Кронштадту был открыт ураганный артиллерийский огонь.

Естественно, что революционным Кронштадцам необходимо было защищаться. И они защищались, имея в виду себя и других. Да, именно и других; ибо их защита в Кронштадте, защита своих революционных прав, руководствуясь которыми они пред,являли требование большевистской власти прекратить произвол над правами трудящихся — отражалась в сердцах всей подневольной России. Последняя готова была их поддержать в этой их справедливой и геройской защите. Но она была в это время порабощена, закованная в цепи карательных красноармейских и чекистских отрядов, специально выделенных для подавления свободного духа и воли страны.

И сколько погибло в этой защите Кронштадцев и напавшей на них слепой красноармейской массы, руководимой большевиками, об этом трудно точно сказать. Но факт тот, что всех погибших в этих событиях в один десяток тысяч не вместишь. И все погибшие суть рабочие и крестьяне, все они — те, за счет которых большевистская партия, обманывая их лучшим будущим,пробралась к власти, силами которых эта партия долгие годы пользовалась в своих личных интересах, в интересах развития и усовершенствования своего политического и экономического господства в стране.

Все лучшее, за что боролись в русской революции рабочие и крестьяне, революционные Кронштадцы защищали в своей героической борьбе с большевистской олигархией. За это последняя их истребила, — на половину истребила физически в дни своей победы над ними; на половину томит по сырым застенкам тюремных казематов, полученных ею, как наследие, от царско-помещичьего строя, и по концлагерям других стран, в Финляндии в особенности.

С этой стороны 7-е марта является скорбным днем для трудящихся всех стран. В этот день не у одних только российских тружеников вырвется из груди крик боли за погибших и оставшихся в живых революционных кронштадцев, томящихся под замком большевистской каторги.

Но стонами этот вопрос не разрешится и не должен разрешиться. Трудящиеся всех стран независимо от дня 7-го марта должны организовать всюду митинги протеста, как против совершенных Р.К.П. злодеяний

в Кронштадте над революционными рабочими и матросами, так и за освобождение уцелевших из большевистских тюрем вообще и из финляндских концлагерей в частности.

Н. Махно.

СЕДЬМОЕ МАРТА

Пять лет прошло с тех пор, как большевистская власть задушила последний звук «Октября». Уже то обстоятельство, что большевики не поколебались поднять оружие против тех, чьими усилиями, чьей кровью они стали у власти — это одно уже было полным подтверждением того контр-революционного пути, на который они стали.

Все пять лет после подавления восстания большевики неизменно идут по тому-же пути, жестоко подавляя всякие протесты трудящихся против вновь востанавливающегося капитализма, гноя по тюрьмам и ссылкам всех оставшихся верными и преданными заветам социальной революции. Подавление «Всероссийского Кронштадта» продолжается и поныне.

Кронштадт, за которым числится большое революционное прошлое, в последний раз восстал, требуя свободно избранных советов, свободы слова для трудящихся, анархистов и левых социалистических партий, протестуя против морального и физического террора над теми, кто на себе вынес Октябрь.

Большевики признали это все «контр-революцией» и не задумались первыми открыть военные действия против революционного Кронштадта.

Требования Кронштадта были затоплены в крови и большевики пошли иным, враждебным Октябрю, путем.

К чему же он привел?

К новому капитализму, к новому экономическому, политическому и моральному закабалению трудовых масс.

Это именно и есть та подлинная контр-революция, которую своим революционным чутьем предвидел Кронштадт и против которого он восстал.

Склоняем головы перед революционной стойкостью кронштадских героев и в день этой печальной годовщины призываем как русский, так и международный пролетариат следовать их революционному примеру.

М.

« КОММУНИСТИЧЕСКАЯ » ДЕРЕВНЯ

В Москве, в изд—стве «Эконом. Жизнь», вышла книга Ю. Ларина «Советская деревня» (стр. 384, тираж 6.000).

«Пять этапов» или «искусство маневра и политика пролетариата» (понятно в лице его «классовой партии» В.К.П. *), «сдвиги и подвижки «фронта» в ходе незаконченной еще русской революции».

Это вроде вступления, вернее попытка оправдать те «стихийные» (по Ларину) отступления от октябрских завоеваний, которые производились и все еще производятся в С.С.С.Р.

Подкрепив же Ларинскую «Советскую деревню» еще кое какими материалами из коммунистических источников — мы получим подлинную картину советской большевистской деревни.

Этап первый. Октябрская революция. Власть в руках пролетариата. Но *давление и влияние среднекрестьянских масс столь исключительно велико, что приходится считаться еще не только с основными их интересами*, но и с «реакционными предрассудками».

Основные интересы крестьян — земля. «Реакционные предрассудки», по мнению Ларина — идея социализации земли.

Крестьянское давление приводит в октябре 1917 г. к изданию «коммунистами марксистами» об'единительного декрета о социализации земли и «вводит в состав Сов. Нар. Ком.»— партию лев. с.р.

Правда Ларин первое об'ясняет тем, что дескать они — коммунисты «в свое время считаясь с крестьянскими предрассудками согласились, однако, провести законодательным путем запрещение аренды, чтобы предоставить крестьянству на опыте убедиться, что из этого выходит и разочароваться в эсеровском наследии» (т.е. социализации земли, идея которой далеко не является только эсеровской).

Так пишет в 1925 г. Ларин.

Но совсем не по Ларински рассуждал «в свое время» Ленин.

«Пусть — ка теперь они (Временное правительство) нас возьмут»— сказал Ленин, подписывая декрет о социализации земли. («М. Правда» 21-XI-25).

Ленинский расчет оказался правильным.

Крестьянство, именно, и решило участь октябрской революции.

«Активность крестьянства — его участие в октябрской революции и решившая ее подавляющий успех»— Лариным не отрицается. Но как «мелкобуржуазное» с точки зрения В.К.П. — затушевывается.

Второй этап — весна 1918 г.

Сущность его заключается в попытках пролетариата, вернее В.К.П. *«активно изменить в свою пользу* соотношение классовых сил» т.е. *«политически расслоить выступавшую до тех пор сплошной стеной деревню»*

Создаются «Комитеты Бедноты». *)

Наружная сторона «Комбедов»— «раскулачивание кулаков». Оборотная — «из'ятие хлебных излишков».

Принудительные реквизиции в деревне, грабежи и насилие заградительных продовольственных отрядов над населением — и в результате вспыхнувшие в ряде

*) Всесоюзная Ком. Партия, (Рос. Ком. Партия).

*) «Комбеды», по своему составу исключительно состоящие из батраков и крестьян отхожих промыслов, ничего общего не имели с крестьянской беднотой — малоземельным крестьянством.

ПЕРЕПУТЬЕ И ПУТИ РАБОЧЕГО С.С.С.Р.

Дискуссию на верхах В.К.П. не сопровождала, кк склонны некоторые думать, такая же дискуссия в низах. В.К.П. располагает довольно большим аппаратом, чтобы такую низовую дискуссию оглушить, закрыть рабочим рты и оставить ее без отклика. Дискуссия на верхах компартии была вызвана не дискуссией низов, а прямым их недоверием ко всем начинаниям власти. В связи с усиленным насаждением большевиками нэп'а и с их стремлением восстановить хозяйствен. жизнь России за счет чрезмерной эксплуатации трудящихся, последние наконец увидели, что большевики строят самый подлинный капитализм, что о какой либо революционности уже и речи быть не может, что Октября и след простыл. Рабочие теперь уже не питаются иллюзиями насчет переходности и кратковременности того строя, в котором они живут. Им становится ясно, как крепнет в нем элемент капитализма и какими гигантскими шагами он удаляется от социализма и его элементарных требований. Ибо мерилом социалистичности экономики является прямое участие производителей т.е. рабочих и крестьян в построении хозяйственной и общественной жизни страны. Если с этим мерилом подойти к русской действительности, то получим полную противоположность социализму. Произвол нэп'манов, спецов, профсоюзного чиновничества, привиллегированной партийной бюрократии и автократии, устранение рабочих от участия в ведении производства, преследования за стачки, насильственное урезывание от зарплаты для партийных целей, растраты в профсоюзах, отсутствие свободы революционной печати и слова, шпионский аппарат, зорко следящий за каждым рабочим поскольку он исповедует казенный катехизис — в таких условиях живет рабочий Союза лжесоциалистических и лжесоветских республик. Несомненно, в таких условиях недовольство в массах будет крепнуть, брожение нарастать. Все чаще и чаще, оно выливается в стачечные движения, которые являются актами стихийной, еще не вполне осознанной самозащиты от угнетательской политики большевистских эксплу-

---

губерний восстания крестьян «подавляются громом пушек».

«Громом пушек» в июле 1918 г. подавляется и восстание лев. с.р. в Москве.

Июльским восстанием закончился период сотрудничества П.Л.С.Р. с В.К.П.

Отныне В.К.П. одна возглавляет «рабоче-крестьянскую власть».

А затем В.К.П. постепенно, шаг за шагом, начинает ликвидировать октябрские завоевания и проводить в жизнь марксистскую теорию — пролетаризацию деревни.

Учреждаются колхозы, коммуны и совхозы, к которым отходит «около 5 мил. десятин лучшей пахотно-сенокосной земли».

Третий этап начинается с 1919 г.

Оказывается «держаться на одних бедняках (вернее батраках) трудновато».

Издается декрет об упразднении «Комбедов».

«Полгода неограниченной власти» в деревне «Комбедов» и в результате — ставка на середняка. Из'ятие излишков заменяется так наз. «продразверсткой».

Продразверстка сохраняла право свободно распоряжаться продуктами, но уже после выполнения установленного налога.

Иными словами — продразверстка первый шаг к восстановлению свободной торговли, уничтоженной в 1918 г.

Однако удержать союз с середняком «без буржуазных методов хозяйства» не под силу коммунистам.

«У нас было достаточно планов, но весьма недостаточно предметов распределения» с горечью признается Ларин.

Да тут еще «усиление буржуазной прочности снаружи и мелкобуржуазное давление извнутри»... и в итоге новая экономическая политика.

Первое — результат путчизма коммунистов запада, действующих везде и всюду по рецепту Москвы, не считавшихся ни с настроением народных масс на местах, (Чехо-Словакия 1920 г.), ни с общей политической и экономической ситуацией страны (Германия 1923г.)

Второй — Кронштадтское восстание. На требование Кронштадта,— возвращение к Октябрю — В.К.П. ответило Нэпом.

Нэп — это коммунистическое накопление излишков, так как «по закону, открытому К. Марксом и *продолжающемуся действовать у нас* поскольку у нас имеется товарное и денежное хозяйство, *не может деревня* подняться без того, чтобы не *выделить кулацкий и зажиточный хозяйственный элемент»*.

Отсюда и вывод — расширение и углубление Нэп'а.

Этим и начинается весна 1921 г. — так наз. четвертый этап.

Сдвиги фронта идут по двум направлениям.

В деревне *«вновь воскресает наемный труд, аренда на землю, ростовщичество, взятки.»*.

В городе *«свобода торговли раскрыла двери буржуазному возрождению, спекуляции, посредничеству, обогащению»*.

Ставка на середняка «стихийно» (по Ларину) заполняется ставкой на вышесреднего крестьянина.

Все эти как и последующие затем очередные ставки на разные слои крестьянства проходят *мимо подлинных маломощных крестьянских дворов*, продолжающих все еще выступать «сплошной стеной» против В.К.П.

Но так как кризис промышленности осенью 1923 г. наглядно показал распад хозяйственной связи города с деревней, то *«возобновление пролетарского наступления»* — должен принести пятый этап.

Правда эта политика имела место со стороны прав-

ататоров. По мере укрепления в России капитализма это движение будет расти вширь и вглубь. Со стороны революционных, классово-сознательных элементов, т.е. тех элементов, из которых рекрутируется действительный авангард революционного пролетариата, это будет прямая борьба с государством, которое олицетворяет методы большевизма. Несомненно и то, что государство на стачечное движение ответит репрессиями, ссылками, тюрьмами и т.д., как оно отвечало до сих пор. В процессе борьбы рабочий уже не будет довольствоваться самозащитой. Под давлением капитализма отношение рабочего к угнетающей его власти станет *революционным*. Оно уже революционизируется. Он станет искать новых путей и намечать новые лозунги.

По каким же путям направится новое революционное пролетарское движение?

Недоверие к большевизму у части рабочих выразится в убеждении, что централизованное, партийное государство неспособно привести страну к социализму. Эта часть рабочих, вероятно, будет стремиться к известному уменьшению монополии государства, к его реформе, к «демократизации власти» и т.д. Вполне реальна возможность для этой части рабочих удариться в меньшевизм. Тенденция эта может проявиться преимущественно со стороны лучше оплачиваемого, а следовательно классово-малосознательного пролетариата, обычно склонного к союзу с мелкой буржуазией. Нужно учесть еще и то обстоятельство, что нарождающаяся русская буржуазия будет проводить в жизнь характерную для нее демократическую линию и что в этой буржуазии найдет меньшевизм сильного союзника.

Иной путь раскроется перед классово-сознательным и революционным элементом русского пролетариата — путь построения социализма через революционные экономические организации рабочего класса. Этот путь — анархизм.

Итак, с одной стороны реформа, переделка государства и стремление к соглашению с буржуазией. С другой стороны принципиальное отрицание государства, революционная систематическая борьба с ним, стремление к воссозданию фабрично-заводских комитетов, советов и мощных производственных и потребительских организаций трудящихся, как единственной гарантии успеха борьбы пролетариата с капиталом и государством. Этот последний путь найдет своих сторонников среди более активной, энергичной и решительной рабочей молодежи и среди более угнетаемых, а тем самым более революционно настроенных слоев пролетариата.

Однако меньшевики при наличии организованной партии постараются вести агитацию среди всех слоев пролетариата. Может быть в недалеком будущем снова разгорится борьба между бакунинизмом и марксизмом, безгосударственным свободным федерализмом и государственностью, социал-демократическим меньшевизмом и революционным анархизмом.

Меньшевики в своей агитации прибегают к некоторым революционным лозунгам, которыми могут вводить в заблуждение рабочий класс. Наш долг теперь же постараться вскрыть подлинную сущность социал-демократии и ту соглашательскую, контр-революционную подоплеку, на которой она держится.

Меньшевики претендуют на роль классовых борцов пролетариата и в то же время главным своим лозунгом выставляют демократизацию всего государственного строя. Но здесь мы имеем грубое противоречие. Классовая борьба есть факт. Она вытекает из того, что интересы хозяев и рабочих диаметрально противоположны, несовместимы и непримиримы и что между ними происходит беспощадная борьба до полного торжества рабочих и социализации орудий производства. Как раз меньшевизм с его стремлением к демократии, т.е. к сотрудничеству классов, к соглашательству и к смягчению социаль

щей партии. Правда нэпманы были даже высланы на север, имущество их как «коммунистическое накопление» было даже конфисковано. Но начавшийся «пролетарский поход» против зарвавшейся буржуазии закончился возвращением нэпманов из ссылки, *расширением и углублением Нэп'а*.

А затем дальнейшее катастрофическое — «стихийное» (по Ларину)— отступление по всему экономическому фронту.

И XIV с'езд Р.К.П. пока что взял курс *на середняка и зажиточного крестьянина*.

Превозглашен лозунг «лицом к деревне».

Но сначала мы дадим картину расслоения крестьянства, как результат очередных ставок В.К.П.

Ко времени Октябрьской революции по данным ЦСУ *) деревня имела след. вид:

Бедняки	40,2%	всех дворов
Середняки	28,8%	»
Зажиточные	22,0%	»
Кулаки	9,0%	»

*) Центр. Статист. Упр.

Бедняки в свою очередь разделялись:— маломощные (от 1 — 2 дес.) 18,4%, маломощне (безпосевные) — 21,8%.

После октябрьской революции, когда бывшие помещичьи земли были разделены на уравнительных началах между беспосевными крестьянами *«деревенские семьи до некоторой степени уравнялись»*.

Правда, известное имущественное неравенство сохранилось.

И причина сему та, что конфискованная помещичья земля в результате перераспределения не вполне удовлетворила крестьянские семьи. Переход же этих земель крестьянству фактически означал передачу бедняцким хозяйствам тех земельных наделов, которые ранее находились у крестьянской верхушки.

Казенные же земли остались в руках государства, образовав так наз. госфонд.

Земли, перешедшие к госфонду распределялись:

ных антагонизмов, к реформизму и общегосударственному строительству — является полным отрицанием классовой борьбы. Следовательно, неосновательно они рядятся в тогу классовых борцов.

Во вторых, меньшевики часто пользуются лозунгом «полной и неограниченной самодеятельности» трудящихся. Этот лозунг так же ложен в устах социалистов как и первый. Практика социалистического движения в западной Европе наглядно показывает, как выглядит социалистическая самодеятельность. Все реформистские профсоюзы, находящиеся на поводу социалист. партий, являются их вернейшими, послушнейшими и притом слепыми орудиями. Немецкое профдвижение напр., находящееся в руках социалистов, с его чиновничеством «Bonzentum'ом», косностью, повиновением, бюрократической механизацией и ничтожным развитием самодеятельности говорит о том, что лозунг полной самодеятельности трудящихся выдвигаемый меньшевиками, есть лишь агитационный прием для достижения власти — не более. Еще нагляднее видно противоречие социалистической «самодеятельности» на опыте французского рабочего движения. Вместе с переходом в руки социалистов Всеобщей Конфедерации Труда(Confédération Générale du Travail), основоположниками и творцами которой были анархисты, как Пеллутье, Пато и Пуже, заглохла в ней традиция непосредственной борьбы, традиция стачек, саботажей и т.д. C.G.T. стала орудием соглашательской политики Блюмов и Ренаделей. За слабость и беспомощность французского синдикального движения большую часть вины несут социалисты.

В третьих, они выезжают на лозунге политической свободы. В действительности в политической свободе рабочие и крестьяне С.С.С.Р. крайне нуждаются. Но вся беда то в том, что социалисты отождествляют политическую свободу с демократией. А демократия есть лишь очень жалкий суррогат политич. свободы. Социалисты выдвигают свободу развития профдвижения и свободу стачек с одной стороны, но с другой они допускают полную свободу эксплуатации рабочих. Тем самым они дают возможность буржуазии окрепнуть. Впрочем для последней они не страшны. Ибо их свобода всегда больше пригодится буржуазии, чем пролетариату. Парламентаризм, выборный разврат, погоня за мандатами т.е. учредилка—вот идеал политической свободы социалистов. Свободные умирать с голоду и голосовать при выборах в парламенты рабочие Франции, Германии, Польши со своими бывшими Мильеранами, Брианами, Пильсудскими и со своими настоящими расчетливыми и трусливыми Ренoделями, Шейдеманами и Морачевскими — это в действительности то «лучшее», что способны изобрести социал-демократы для русского пролетариата.

Меньшевики, как марксисты, часто говорят об исторической необходимости и историческом развитии, считая, что пресловутое историческое развитие требует, чтобы социал-демократия стала авангардом рабочего класса. Конечно, вместе с ростом буржуазии будут крепнуть свойственные ее классовому характеру демократические элементы. И поскольку социал-демократия сотрудничает с буржуазией для блага «Отечества», «Родины», — Государства, постольку и ей суждено, вероятно, разделить власть с буржуазией. Буржуазия охотно на это пойдет, ибо социалисты самые надежные ее друзья. У всех ведь в памяти, как недавно Эррио лез из шкуры вон, чтобы склонить социалистов принять участие в правительстве левого картеля во Франции; как охотно теперь английские либералы дружат с Макдональдовской Labour Party! Историческое развитие на стороне меньшевиков постольку, поскольку они как партия хорошо оплачиваемого пролетариата с мелкобуржуазным уклоном стремятся к соглашению с имущими классами. Но одновременно с ростом капитализма будет уси-

---

госземзапас	7.876 тыс. дес.
Госуд.луговой фонд	400 тыс. дес. *)
Доходные статьи	1.000 тыс. дес.

Не считая 8.430 тыс. десятин, отошедших в 1918 г. к совхозам, колхозам и коммунам.

Однако, все таки несмотря на неудовлетворенность крестьянских нужд результаты сказались. Землевладение верхушки сократились. Но также увеличились и земли бедняцких хозяйств. Последнее результат наплыва рабочих-крестьян в деревни. Середняки же сохранили свою численность, что и видно из таблицы за 1919 г.

Бедняки	49,4% всех дворов
Середняки	29,3%
Кулаки	2,8%
Зажиточные	18,5%

Еще более существенную разницу дал 1920 г.

Бедняки и середняки	91,8 всех дворов
Зажиточные	6,5
Кулаки	1,7

Мы видим как революция почти на чисто смела деревенские верхи. Кулачество сошло на нет.

Но с введением нэп'а картина резко изменяется в обратную сторону. Верхи деревни настолько окрепли, что уже приближаются к аннулированию того разгрома, который получился в результате социализации земли.

И наконец в 1925 г. по налоговым данным НКФ имущественное неравенство деревни уже имеет такой вид:

Бедняки	58% всех дворов	
Середняки	30%	(от 2—4 дес.).
Зажиточные и кулаки	12%	(зажиточные от 4-8), (кулаки от 8 и более).

В бедняцкой группе: безпосевных — 8,1%, маломощных: (от 1—2 дес.) — 31%.

Зажиточные и кулаки составляют более 1/8 части всех крестьянских дворов. Правда это немного. *Но эта 1/8 часть сосредотачивает в своих руках более 1/2 всей деревенской продукции.*

*) Обслуживает исключительно Красную армию.

ливаться революционное классовое течение в русском пролетариате, призванное бороться с капитализмом и ее союзницей социал-демократией. Итак в связи с ростом капитализма можно будет различить двойной процесс. Рост демократии в лагере собственников и их друзей реформистов и рост обостренной социальной борьбы, которая выльется несомненно в широкое массовое анархическое движение.

В «Социалистическом Вестнике» от 11 февраля с.г. передовик этого журнала в статье на интересующую нас тему пишет об «опасности» анархо-синдикализма следующие характерные строки:

«Есть опасность, что рабочий молодняк, разочаровавшись в большевизме, отшатнется от социализма вообще, повернется спиною к государству и «всякой политике, ударится в *анархо-синдикализм*. «Ведь эта рабочая молодежь, выросшая в советскую эпоху, знает социализм только в формах «большевистской диктатуры. Ей ведь старательно «внушали в книжках, в речах, в фальсифицированных «воспоминаниях», в подделанной «истории», «в бесстыдно-лживой информации газет, что за пределами большевизма есть лишь гнусное «социал-«предательство», что демократия и политическая «свобода — это лишь подлое орудие буржуазии «для околпачивания рабочего класса».

Итак, для меньшевиков, кричащих о широкой самодеятельности трудящихся, анархо-синдикализм оказывается «опасностью» — анархо-синдикализм, который есть живое выражение действительной самодеятельности труда. Почему же «опасность»? А потому, что анархо-синдикалисты будут бороться с государством, с демократией, парламентаризмом и реформизмом, которые являются такими же, только другого качества, преградами для развития самодеятельности трудящихся, как всякие Цики В.Ц.С.П.С.'ы и другие большевистские органы. Это лишний раз вскрывает идейное двуличие меньшевиков и марксистов вообще, для которых куда ценнее государство с его политическими (демократическими или диктаторскими) аттрибутами, чем рабочие организации, классовая борьба и строение социализма путем самодеятельности трудящихся.

Боязнь меньшевиков анархо-синдикализма вполне понятна. Она еще усиливается тем, что большевики при помощи «бесстыдно лживой информации» представили меньшевиков как «подлое орудие буржуазии для околпачивания рабочего класса».

Конечно, освещение меньшевизма и социал-демократии их кровными братьями большевиками вполне правильно. Действительно, каждый русский революционный рабочий видит в социал-демократе реформиста, оппортюниста, противника решительных, революционных методов, следовательно контр-революционера. И разве это не так? Разве рабочий-революционер может не отнестись с презрением к социал-демократическим «классовым борцам», читая напр. отчеты о недавнем Гейдельбергском с'езде немецкой социал-демократии не в «бесстыдно-лживых», а в самых настоящих социалистических журналах? Не знаменателен ли этот с'езд полным отречением от революционных методов борьбы и оффициальным принятием бернштейнского ревизионизма, как основной программы и тактической линии, того самого ревизионизма, с которым так долго боролась немецкая соц.-демократия, считая его буржуазной идеологией, и перед которым окончательно капитулировала, ибо ее пути вели к этому неизбежно.

В среднем на душу на едока по последней категории (кулаки и зажиточные) приходится 4,3 дес., *в то время, как в остальных категориях на душу приходится лишь 1,1 дес.*

К этому еще надо прибавить, что по отчетам ЦСУ безлошадных в крестьянстве имеется: в Р.С.Ф.С.Р.— свыше 40%, а в Украинской ССР. свыше 55% всех крестьянских дворов.

Таковы итоги нэп'а.

А теперь обратимся «лицом к деревне»— и как этот лозунг понимает В.К.П.

Прежде всего «наш лозунг» «лицом к деревне» — говорит Каменев в докладе ЦКВКП — «не означает, что мы желаем подчиниться крестьянству». Нет. Наоборот...

«И Г.П.У. и борьбу за хлебную цену мы не прекращаем»—

Циничное по откровенности признание.

И, конечно, без цитат Ленина нельзя обойтись.

«Мы Вам, товарищи, сделаем ряд уступок, но только в таких то пределах и в такой то мере, и, *конечно, сами будем судить, какая эта мера и какие это пределы*» (Ленин, Собр.соч. т. XVIII, стр. 270.).

А Каменев на последней московской конфе рции В.К.П. раз'ясняя «лицом к деревне», добавляет: «*Союз укрепляй — себя не забывай*». Т.е. держи власть в своих руках, сохраняй «диктатуру пролетариата», ничем «*не ограниченную, кроме собственных соображений*»— поясняет Ларин.

Каковы же эти «меры и пределы», в каких даются «льготы крестьянам»?

Лучше всего обратимся к протоколам специальной Коммиссии ЦКВКП по обследованию деревни.

Вот они:

«В Самарской губ. на деревенскую верхушку приходится 15% дворов, у которых 20% всей пахатно-сенокосной земли и 30% всего пьосева. У бедноты жеимеется почти 36% всей земли и только 22% всего посева. *Беднота оказывается в силах держать под посевом только 20% своей земли, тогда как зажиточные засеивают почти 50% их земли»*... А в Смоленской губ. *на одного зажиточного приходится почти 3 дес. земли на душу, на одного же маломощного 2/3 десятины.*

Вобщем же по данным ЦСУ *верхушка арендует пашню у бедноты 67,2% по всему СССР.*

И «*примеров таких куча*» — констатирует комиссия ЦКВКП.

И уж нечего меньшевикам пенять на большевиков за дискредитирование социал-демократии в глазах русских рабочих. В этом виновна прежде всего сама социал-демократия тем, что поставила самое себя в буржуазный лагерь.

Да, русский революционный рабочий, отвернувшийся от большевизма, не пойдет к меньшевикам. Он пойдет по тому пути, которого так боятся меньшевики и большевики одновременно. Путь этот — анархизм и анархо-синдикализм. Наша задача сплотить вокруг нашего знамени классово-сознательные элементы русск. пролетариата, вырвать из рук государства профсоюзы, фабзавкомы и кооперативы и не только сделать их независимыми от государства, а обратить их в орудия революционной антигосударственной борьбы.

На этот путь русский рабочий придет раньше или позже, учтя опыт социализма в зап. Европе и С. Америке и большевизма в России.

Я. Валецкий.

ОРГАНИЗАЦИОННАЯ ПРОБЛЕМА И ИДЕЯ СИНТЕЗА

По вопросу о принципах и форме анархической организации на страницах «Дела Труда» уже высказались несколько товарищей. Не все они одинаково подошли к задаче. Существо вопроса, как он был поставлен редакцией «Дела Труда», заключалось в следующем: нам, действующим и борющимся анархистам, во что бы то ни стало следует покончить с раздробленностью и дезорганизованностью, царящими в наших рядах и губящими наши силы и наше анархическое дело. Путь к этому — создание организации, которая об,единила бы если не всех, то большинство активных работников анархизма на почве определенных идеологических и тактических положений и привела бы к прочной согласованности их практическую деятельность.

Само собой разумеется,— подход к этому делу должен идти одновременно с разработкой основных теоретических и тактических положений, которые явились бы базой, платформой организации. Ибо сколько бы мы ни говорили об организованности и об организации наших сил, ничего из этого не получится, если идее организации мы не предпошлем определенные теоретические и тактические положения.

Эту последнюю задачу Группа Русских Анархистов Заграницей все время не упускала из вида. В ряде статей, помещенных в «Д. Тр.», отчасти уже выявлена ее точка зрения на некоторые вопросы программного значения — на отношение анархизма к классовой бьорьбе трудящихся, к революционному синдикализму, к идее переходного периода и др. Задача дальнейшего — все эти и последующие принципиальные положения точно формулировать и связать в одну более или менее законченную организационную платформу, которая послужила бы основанием для об,единения ряда активных товарищей и целых групп в одну общую органинзацию. А эта последняя уже в свою очередь может послужить отправным пунктом для дальнейшего, более полного

Таким образом, мы видим, что *значение крестьянской верхушки оопределяется не количеством дворов, а той ее частью деревенской продукции, которую она сосредоточила в своих руках* и той *экономической зависимостью, в какую она поставила от себя остальные части крестьянства.*

«Экономическая зависимость бедняцких хозяйств от кулака — результат перераспределения земли»— откровенно признает комиссия Ц.К.В.К.П.

Бедняцкие хозяйства должны закабаляться зажиточному соседу, давать из себя высасывать соки только за разрешение воспользоваться чужими плугом и лошадью» *)— продолжает свои заключения та же Комиссия.

А вот и распределение земли.

Земли из Госфонда сдаются или только верхам или иногда союзу верхов и середняков, с исключением бедноты. Напр. «в деревне Никольской 193 домохозяина арендовали из госфонда 375 дес. на три года с уплатой *по 4 пд. ржи с дес.* в год. При этом имеется 102 домохозяина зажиточных и середняка и несколько десятков бедняцких домов».

Таких примеров «комиссия ЦКВКП» приводит целый ряд с той только разницей, что за аренду пашни из госфонда земельные органы берут иногда не по 4, а *только 3 пуда ржи* с десятины.

Прежде верхушка арендовала землю у помещиков. Теперь более мощные хозяйства арендуют землю непосредственно из госфонда и у односельчан.

Земельные органы упростили дело так, что арендный фонд всецело находится в распоряжении только верхов и отчасти середняков. *При этом арендная плата при помещиках была в 5—6 раз выше.*

И комиссия ЦКВКП приходит к заключению, что *«предоставляемые в настощее время льготы при наделении землей есть льготы зажиточным, вернее сильным хозяйствам».*

Не есть ли это те самые «пределы» в каких Ленин собирался сделать крестьянству «ряд уступок» и которые уже с точностью выполнили и выполняют его последователи.

Но этим нельзя ограничиться.

Есть еще электрофикация.

(Окончание следует). *М. Володин.*

*) Обычно за это платят половину урожая и отдельно так назыв. «пятый сноп» за провоз с поля.

об,единения сил анархического движения.

Таков путь разрешения организационной проблемы, предусматриваемый нами. Мы не имеем ввиду производить при этом радикальную переоценку ценностей, выдвигать какие бы то ни было новые теоретические положения. Мы считаем, что для построения организации, стоящей на определенной анархической платформе, все необходимое имеется в революционном коммунистическом анархизме, идущем под знаменем анархической коммуны, классовой борьбы трудящихся и свободы и равноценности всякой трудовой личности.

Совсем иной подход к организационному вопросу и иное освещение ему пытаются придать товарищи, исповедующие идею теоретического синтеза различных течений в анархизме. К сожалению, идея эта столь слабо выражена и в то же время совсем не разработана, что довольно трудно дать ей исчерпывающую критическую оценку. Сущность ее такова. Анархизм подразделяется на три основные течения — анархо-коммунизм, анархо-синдикализм и анархо-индивидуализм. Во всех этих течениях по существу есть нечто общее. Это общее настолько существенно, а разногласия, разделяющие эти три течения, настолько несущественны, что сам собою напрашивается вопрос о слиянии названных течений в одно целое. Однако, для того, чтобы, придти к этому слиянию, необходимо вначале произвести теоретический и философский синтез учений, на которых базируется каждое из течений. И уже после того, как путем теоретического синтеза будет достигнуто сближение течений, можно поставить вопрос о форме и структуре анархической организации, которая должна будет об,-единить анархистов не одного какого-либо течения, а анархистов всех трех течений.

Такова мысль идеи синтеза, поскольку она нашла свое выражение в «Декларации о совместной работе анархистов» и в некоторых статьях т-ща Волина, печатавшихся в «Анархическом Вестнике» и в «Деле Труда» (N 7-8,9) х)

Мы совершенно не согласны с этой мыслью. Не трудно видеть ее теоретическую несостоятельность.

Прежде всего,— почему такое произвольное подразделение анархизма только на три течения? Существуют еще течения в анархизме, например,— христианский анархизм, ассоциационный, причем последний по своей идее ближе стоит к анархо-коммунизму, чем индивидуалистический.

Затем — в чем же именно заключается *теоретические и философские* расхождения трех указанных течений, раз их надо синтезировать?

Мы считаем, что *теоретических* расхождений между анархо-коммунизмом и анархо-синдикализмом нет. Что теоретически это одно течение, а именно — анархо-коммунистическое. Практически же существует расхождение между анархистами, придерживающимися метода синдикальных организаций, и анархистами, отрицающими его. Но причиной расхождения здесь является не коммунизм, не его теория, а лишь выбор средств, предназначенных для его осуществления.

Следовательно, оснований для теоретического и философского синтезирования анархо-коммунизма и анархо-синдикализма нет, ибо нет соответствующих расхождений.

Далее — анархо-индивидуализм. В чем заключается его основная идея? Противогосударственная идея составляет неот,емлемую часть анархо-коммунизма. Идею личности также отстаивает анархо-коммунизм. Выдвигаемая им анархическая коммуна, как тип общественно-хозяйственных отношений, является лучшим средством защиты и развития личности. Анархическая коммуна не есть социально-общественная форма, которая, раз возникнув, закостенеет на все дальнейшее время и станет преградой развития личности. Наоборот, ее организация постоянно будет расти, усложняясь и совершенствуясь и заботясь о все большей и большей свободе и развитии индивида. Что же в таком случае остается у индивидуализма? Философия отрицания классовой борьбы, отрицание принципа организации анархистов, отрицание соц. революции, совершаемой во имя свободного *общества* равных тружеников и наконец, разговорчики о том, что если рабочим плохо, то в качестве самобытнго индивида, каждый рабочий в отдельности может защищать свою личность. Но ведь эта «философия» не имеет ничего общего ни с теорией, ни с практикой нашего анархизма и вряд ли у кого-либо из рабочих анархистов явится желание сближаться с такой «философией».

Мы видим, следовательно, что анализ теоретических заданий синтеза приводит нас к пустому месту.

Те же результаты обозначаются перед нами, когда мы обернемся к практической стороне вопроса.

Одно из двух:

Или три названных течения продолжают оставаться самостоятельными *течениями*, тогда каким образом они смогут развивать свою деятельность в *общей организации*, назначение которой в том и состоит, чтобы привести деятельность анархистов к точной согласованности?

Или же течения эти должны утратить свои специфические черты и, слившись, дать начало новому течению, которое не должно быть ни коммунистическим, ни синдикалистским, ни индивидуалистическим.. Но каким же в таком случае? Его основные положения и черты?

Мы полагаем, что идея синтеза основана на глубоком заблуждении,— на неправильном понимании существа тех трех течений, которые носители этой идеи берутся слить в одно.

Центральным течением, хребтом анархизма является анархо-коммунизм. Анархо-синдикализм — лишь один из методов борьбы за анархо-коммунизм. Анархо-индивидуализм — преимущественно литературно-философское явление, а не социальное движение. Нередко это течение, заглядывая в политику, сбивается на буржуазный лад (Теккер и др. индивидуалисты).

Сказанноне выше совсем не означает, что мы против совместной работы анархистов разных направлений. Наоборот, всякое сближение революционных анархистов

---

*) Само собой разумеется, что отмеченные статьи т-ща Волина являются его личным мнением, не разделяемым редакцией.

в *практической* работе мы можем лишь приветствовать. Однако, это может быть достигнуто практически, конкретно,— путем установления связей между образовавшимися уже и укрепившимися организациями. В этом случае мы будем иметь дело просто с определенным *практическим заданием*, совершенно не нуждающимся в теоретическом синтезе и даже исключающим его.

Но мы думаем, поскольку анархисты уяснят сущность коммунистического анархизма, постольку они все сойдутся на его принципах и на них построят общую организацию, которая явится руководящей, как в области социально-политических проблем, так и в области профессионально-синдикальной проблемы.

Таким образом, организационную проблему мы не ставим ни в какую связь с идеей синтеза. Для решения этой проблемы нет нужды пускаться в область туманного теоретизирования и ждать результатов этого теоретизирования. Вполне достаточно и того материала, который анархизм годами накопил и накапливает в процессе жизни и социальной борьбы. Необходимо лишь извлечь этот материал и применительно к условиям и требованиям жизни построить на нем отсутствующую у нас организацию.

Группа Русских Анархистов Заграницей.
Редакция «Дела Труда».

БЛИЖЕ К ДЕЛУ

П.А. Кропоткин. «Я вижу одно, нужно собирать людей способных заняться построительной работой среди каждой из своих партий после того, как революция изживет свои силы. Нам, анархистам, нужно подобрать ядро честных, преданных, нес'едаемых самолюбием работников анархистов».

Из этой выдержки письма П.А. Кропоткина видно, что он заранее предвидел, что мы, анархисты, придем к необходимости подбора анархистов работников активистов. Время для этой работы наступило. Русская революция окончательно сводится большевиками к старому капитализму. С другой стороны, анархисты, если за последнее время просмотреть всю нашу прессу, взялись серьезно за разрешение нашего организационного вопроса, за постройку крепкой сильной общей анархической организации. Нам остается найти способ и формы этого об,единения. Что нас всех анархистов удовлетворит и что будет для нас всех приемлемо? Идея организовать анархическую партию, или анархический союз вызвала ряд возражений. Тов. Волин в своей ст. «Партия ли?» указывает, что слово партия замызгано, двусмысленно и дескредитированно. Но ведь мы прекрасно все знаем, особенно за последнее время, что большевики своими действиями и поступками тоже самое сделали и со словом «коммунист» и со словом «анархист». Суть не в слове, а в деле.

Несмотря на все наши идейные разногласия, мы порознь все сознаем необходимость общей об'единяющей всех нас анархической организации. Мы пришли со своей разбросанностью и распыленностью в тупик.

Перед нами слишком тяжелый трудный путь. Нам приходится бороться на два фронта,— и с капиталистической буржуазной кликой и с политическими партиями социалистов-государственников. Но борьба с последними тяжелее чем с первыми.

Работа по собиранию активных работников анархического движения в одну общую организацию — не легкое дело. Несмотря на трудности, мы все же эту задачу разрешим, ибо в этом залог нашего дальнейшего существования, как революционной силы.

Историческая миссия анархизма, возлагаемая на нас современной эпохой, решительно требует от нас точного уяснения нашей цели и средств ее осуществления. Современный анархизм и анархисты, уцелевшие от разгула большевистской реакции, обогатились новым опытом и массою фактических данных и жизненных указаний и было бы непростительно для нас не использовать весь приобретенный нами идейный и практический багаж в своей дальнейшей социально-политической деятельности.

Почти все анархисты сходятся на том, что целью социальной революции является анархический коммунизм. Но чтобы массы пришли к нему, недостаточно одних лозунгов бунта и революции. Необходимо еще систематическая проповедь анархических идей, анархической тактики, анархическое *направление* событий. Но коль скоро в массах не будет соответственного органа, который бы нес на себе эту идейную сторону революции, то сама революция будет опять и опять искажена и обезображена, как это случилось с русской революцией.

Кто же может стать этим органом, исполняющим идейно-анархическую миссию в революции?

Конечно, не отдельные группки, действующие вразброд, без определенной социально-политической программы, противоречащие самим себе, бессильные выработать общую линию поведения в соц. революц. борьбе.

Новое вино не вливают в старые меха. История нашей кружковщины с сотнями взаимоистребляющих «направлений» и «течений» отходит в вечность. Ее место должна заступить всеобщая сплоченность наших сил, общая организованность, которая бы позволила нам идти стройно организованным коллективом на фронте социально-революционной борьбы. Довольно разгильдяйства среди нас, довольно безответственности, довольно валяй-анархизма. В мировом революционном движении идет ледокол; весна не за горами; перед нами очищаются поля, мы должны делать запашку и сеять анархическое слово. Но для всего этого надо иметь хорошо приготовленный инструмент, а его как раз у нас не имеется. Этим инстру-

ментом и будет та широкая анархическая организация, которая сгруппировала бы активных анархистов в один анархический союз и о которой у нас идет речь.

Меня спросят,— каких анархистов активистов я собираюсь сгруппировать и какие течения анархистов я думаю об,единить?

Если мы, анархисты, станем строить наше об'единение не практическим путем, а теоретически, т.е. сверху вниз, то из этого ничего не выйдет. Скажу заранее, все попытки в этом направлении обречены на неудачу. Нам незачем закрывать глаза на то, что было и есть. Были опыты с декларациями, были пробы — с резолюциями, а в результате одна пустая безответственная болтовня, громкие фразы и беспочвенные пожелания на словах и на бумаге. Если мы наметим и приступим к созданию анархического союза , вливая в него и анархистов коммунистов, и анархистов синдикалистов, и анархистов индивидуалистов, и в довершение всего прибавим к этому единый анархизм с пресловутым его синтезом, то на деле выйдет басня Крылова: однажды лебедь, рак да щука... трата времени и сил. Если же мы будем строить новую группировку, под каким-либо громким названием и громким лозунгом, то это значит к имеющимся нашим анархическим разновидностям и разветвлениям прибавится еще одно мертво-рожденное анархическое течение, уклонение или же разветвление, на подобие покойных анархо-универсалистов, пан-анархистов и т.д.

Нам нужно не всеобщее смешение анархистов различных мнений и мировоззрений по рецепту синтеза,— смешение, характерное отсутствием общей программы, общего организационного и тактического принципа; нам нужен не клуб с громким названием и пустым содержанием; нам нужна прочная организация, знающая, чего она хочет, знающая свою основную цель и практические задачи каждого дня и знающая пути, ведущие к осуществлению этой цели и разрешению этих задач.

Такая организация может быть создана лишь на почве определенной программы, отвечающей теоретическим и практическим запросам нашего движения. Она в первую очередь сплотит воедино анархистов, жадущих трезвой организованной работы, не снедаемых ни честолюбием, ни претензиями лидерствовать, анархистов дела, а не фразы,— словом, она произведет группировку наиболее делового и активного элемента нашего движения. А это уже много значит. Этим уже будет положено начало существованию анархического коллектива, имеющего общеорганизационный характер для всего нашего движения.

Можно высказать лишь чувство отрады и удовлетворения, слыша, как товарищи, к организационному коллективу которых принадлежу и я, но с которыми разделен территориально, ведут работу в области наших программных построений. Быть может эти работы и явятся исходным пунктом в разрешении нашей общей организационной проблемы.

Здесь же я хочу еще раз подчеркнуть, что нам спешно следует группировать активные силы нашего движения в одно действующее работоспособное целое. Пришло время, как выразился П. Кропоткин, подбора ядра честных, преданных работников анархизма. Время не ждет. Оно повелительно требует выполнить свой зов теперь же, иначе мы вновь на долгие годы останемся в хвосте событий. Было бы непростительным ребячеством и ветренностью с нашей стороны, если бы мы отложили жизненно-необходимое дело организации до того момента, когда кто-то за нас подведет под него теоретическую базу. Теоретическая база имеется. Ведь не в пустую же анархизм в продолжении многих десятилетий вел теоретическую и практическую работу и социально-революционную борьбу. Надо хорошенько разобраться во всем теоретическом и практическом опыте анархизма и тогда программная база станет ясна.

На мое предложение создать организацию партийного типа, но федералистическую, безвластническую, последовало возражение, что партия означает борьбу за власть. Но это не верно, (во всяком случае не всегда это верно). Партия есть союз лиц, могущий ставить себе *разные цели*, а не только властнические, как утверждает т. Волин. Целью нашего союза, разумеется, может быть только разрушение государственной системы во имя анархического коммунизма. Но дело не в слове, а в сути. Как о форме и структуре общей анархической организации, так и о ее названии скажет свое решающее слово тот коллектив анархистов, который сгруппируется вокруг идеи организации сил нашего движения и проявит максимум активности для ее осуществления.

На ряду с другими работниками анархизма я выскажу пожелание, чтобы это произошло как можно скорее.

А—др Черняков.

О НАСИЛИИ И ЗАЩИТЕ РЕВОЛЮЦИИ

Это один из многих, рьянно дискутируемых вопросов в анархической среде и вопрос, в котором некоторые анархисты перегнули палку в опасную сторону. Если еще до недавнего времени у несведущих в анархизме с понятием анархист ассоциировалось понятие «бомбист», то теперь, послушав некоторых наших анархистов, у них сложится представление об анархизме, как о движении, которое думает «мирно переворачивать миры».

Крупная ошибка.

Анархизм отрицал и отрицает государственно-организованное насилие и не считает возможным его использовывать в защиту социальной революции, находя, что это насилие в конечном результате будет направлено против революции и трудящихся.

Русская революция нам дала блестящую иллюстрацию этого.

Но отсюда отнюдь не вытекает, что социальная революция может обойтись без насилия. Это либеральный

вздор, до которого неизвестно каким образом договорились некоторые почтенные анархисты. Ими выставляется аргумент, что революция должна быть созидательной, что поднятие промышленности в революционной стране есть лучшая защита против контр-революции. Но если такие вещи еще можно было рассказывать раньше чем мы видели, и пережили революцию сами, то как заниматься такими «байками» теперь. Мы все отлично понимаем, что было бы хорошо, если бы можно было совершить социальную революцию, выходя с совершенно чистыми руками. Кто бы из нас под этим не подписался? Но ведь жизнь диктует совершенно иное. Ведь капитализм и государство добровольно дороги не уступают. Всякую революционную попытку они встречают «огнем и мечом». Революция раньше чем перейти к созидательной стадии должна себе завоевать фабрики и землю, а разве это возможно без крови, пролитой прямо и косвенно в открытой гражданской войне?

Против реальной боевой силы контр-революции трудящимся необходимо выставить не менее организованную силу с своей стороны, т.е. иметь дело с защитой и наступлением революции.

И разговоры о том, что если революция поднимет экономическую мощь трудящихся, то она не будет нуждаться в революционном насилии, конечно, не обоснованы. Ибо, если революция наладит экономику революционной страны, то этим она укрепит за собой несомненную поддержку со стороны трудового населения; но не следует забывать, что чем больше трудящиеся будут укрепляться на экономических позициях, тем большую ненависть и нападки они вызовут со стороны своих врагов. Да и самая экономическая мощь на первых порах, даже при очень удавшейся революции, конечно, очень сомнительна.

Казалось, кто с этим станет спорить. А между тем находятся такие люди. Сформировалось это их мнение, надо полагать, как реакция против большевистских безобразий, творившихся и творимых ныне по отношению к революционерам и борющемуся пролетариату в России. Но ведь нужно потрудиться понять, что в России теперь мы имеем дело не с *революцией*, которая *себя* защищает, а с государственной *партией*, которая защищает свою *власть*.

И если даже предположить, что Всер. Чрезвыч. Комиссия при своем возникновении и имела благие намерения защищаться от контр-революции, то будучи централистически-государственно организована и совершенно оторвана от революционных и трудовых масс, она неизменно должна была стать 3-им Отделением советского государства.

Как же нужно организовывать защиту, чтобы быть гарантированным, что эта защита сама не станет орудием против революции? Так же может стоять вопрос и о революционной армии, так как всякая военная сила имеет тяготение самодовлеть — так было на протяжении всей истории человечества.

Если трудящиеся дойдут и окончательно проникнутся мыслью, что только они в своих трудовых и экономических организациях без вмешательства даже «левейших из властей» должны строить свою жизнь, то они вынуждены будут и дальше развивать свою мысль. Это значит, что защиту своих революционных завоеваний они также не должны никому поручать.

Для того, чтобы военно-революционные силы, выделенные трудовыми экономическими организациями (причем, по нашему, последние в целом должны, по возможности, вооружаться) в своей деятельности не ушли от масс и не превратились в судебные и карательные органы, а служили бы подлинным целям защиты революции, — они должны находиться под прямым политическим руководством выделивших их организаций, им быть подотчетны и по их же усмотрению и требованию распускаться.

И если имеется тенденция (по нашему весьма правильная) не давать подолгу засиживаться на своих местах даже техническим работникам профорганизаций, то та же тенденция, но гораздо более педантично должна соблюдаться в отношении лиц и органов, которым поручается защита революции.

Об этом трудящиеся не должны забывать ни на минуту.

Но нас спросят: против кого-же нужно и должно защищаться? Не выльется ли эта защита в преследование всякого инакомыслящего?

Мы полагаем, что революционные массы должны бороться против организаций и отдельных лиц, которые «активно» добиваются подчинить их своей власти, т.е отнимают у революции возможность самостоятельно устраивать экономическую и политическую жизнь.

Теперь уже нас не проведешь — нет партий и правительств, которые бы добивались власти не ради самой власти. Если и находятся отдельные персоны, у которых есть революционные стимулы к завоеванию власти, то у этих последних аппетит является во время еды — а результат всегда один и тот-же — трудящиеся снова отстраняются от дела и подпадают под новое ярмо.

Против всех и каждого, кто попытается стать над массами, чтобы ими понукать и им сверху «диктовать» — революционные классы должны *защищаться.*

— Ну, а когда защищаются, отбиваются — ведь применяется насилие и часто в разгаре не замечаешь, как переходишь границы человеческой нравственности, да и насилие ведь в целом не нравственно,— скажут нам.

Да, насилие не нравственно, когда оно применяется во имя подчинения и ограничения прав целых народов, класса или даже отдельного лица!

Но раз насилие употребляется чтоб отбиваться от, всякого рода властителей — такое насилие акт нравственный.

Ведь не защищаясь вы способствуете закрепощению миллионов людей — разве это нравственно?

Было-бы прекрасно, еслибы можно было итти к раскрепощению без единой пролитой капли крови, но этого нет и не будет по вине тех, кто хочет во что-бы-то ни стало властвовать и излишествовать на наш счет.

Таким попыткам должна быть об'явлена беспощадная война. Нужно только зорко следить, чтобы дула защитников не направились против революции.

Анархисты, которые были и есть застрельщики борьбы против насилия капитала и государства, всегда помнят, что против этого насилия революция выставит тоже насилие.

Кто этого не может переварить в себе — пусть уйдет из активистских рядов, дабы не давать козыря в руки нашим врагам и не отвлекать внимания трудящихся от одного из важнейших вопросов борьбы за лучшее будущее.

И. Метт.

ПИСЬМО ИЗ БОЛГАРИИ

В нашей маленькой стране происходят большие ужасы... О них много писали, говорили; против них раздавались протесты — где слабые, где сильные — почти во всех странах мира. Но результаты от этого совсем малые. Ушел Цанков,— и многие думают, вероятно, что вместе с ним рассеялся и тот туман кровавого безумия, который, начиная с 9-го июля 1923 г. беспрерывно окутывал несчастную страну. И очень немногие знают, должно быть, что «произошла только смена лиц» и что кнут перешел только из рук «уставших» в руки более бодрых и свежих палачей. Реакция не унимается. Террор не уменьшается Под пытками, негласно, в скрытых от мира темных уголках, палачи продолжают истреблять лучших людей. Правительство Ляпчева достаточно уж себя проявило, достаточно крови пролило, чтобы доказать пред всем миром, что в отношении репрессий, гонений, издевательств и пыток никакой перемены не произошло. И вы там, по вашим заграницам, когда наша правительственная пресса будет расписывать пред вами все «благости» наступившей перемены, должны помнить слова нового министра Славейко Васильева. В одной публичной речи в Татар-Пазарджике он заявил: «Произошла смена кабинета. Но заявляю во всеуслышание— *перемены в политике нет*; мы будем продолжать политику наших предшественников... *Мы сменили только лиц*, ибо они устали на службе Болгарии. Они были *первым звеном*, новое правительство — *второе звено*...»

Вы, вчерашние свидетели и жертвы цанковской «службы» знаете, конечно, о какой «политике» идет речь и *в чем*, имеі но, і е будет перемены... И я в настоящем письме останавливаться на этом не буду. Цель этого письма совершенно другая. Свежие еще воспоминания о вчерашних событиях теснятся в моем мозгу и давят меня тяжелым камнем. Мне в сотый и тысячный раз хочется рассказать вам о *вчерашнем*,— о том, что буквально разорило всю страну, затопив ее в крови лучших ее детей. И если я начал с *сегодняшнего*, то хотел этим только подчеркнуть то, что между «вчера» и «сегодня» никакой разницы нет.

За сравнительно короткий промежуток времени болгарский народ понес страшно большие потери. Качественно последние — значительно более тяжки, чем те жертвы, которые народ дал в общеевропейскую войну. Ибо убийства совершавшиеся правительственными палачами не были случайными. Люди, которые пали под ударами сабель, были подобраны и внесены предварительно в специально для этого составленные списки. Эти и им подобные приготовления велись почти открыто. Многие знали заранее какие испытания обещало им ближайшее будущее.

Развивавшиеся события сами говорили за себя. Борьба против правительства, обострявшаяся с каждым днем, по мере увеличения голода, нищеты, дороговизны и безработицы, не прекращалась ни на минуту. И правительство искало удобный момент, чтобы усмирить недовольных, очистить путь от пробуждающихся и прозревающих людей и таким образом продлить свое жалкое и преступное существование. Оно пожелало сделать свое управление эпохальным — высушить источники народного пробуждения, «перевоспитать» молодежь и вернуть ее в рамки государственности и религии, поставив ее на стражу «порядка». И действительно, профессорское правительство создало эпоху — самую мрачную эпоху — в болгарской истории.

В конце января 1925 года один видный правительственный чиновник передал мне слова министра правосудия, сказанные им в минуту откровения в среде своих друзей. Министр заявил: «Мы знаем, что конец наш— близок, но мы желаем жить и попытаемся продлить свои дни. Было бы непростительной ошибкой не предупредить нападения сейчас, когда опасность для нас еще не вполне назрела. Нам известны все опасные для нас люди. Ничего не потеряет болгарский народ—и еще меньше правительство — от истребления нескольких тысяч и без того ни кому не полезных людей...»

Слова эти подтвердили предчувствия многих и многих обреченных. В одну февральскую ночь — обещал тот же министр — будут захвачены по своим домам все приговоренные и в ту же ночь будут убиты без большого шуму. Чтобы доказать всю незначительность этой операции ученый министр прибег к простому арифметическому подсчету: он разделил число «обреченных» на число сел в Болгарии и «с цифрами в руках» доказал, что число жертв, падающее на каждое село, совсем ничтожно по сравнению с населением его.

И в самом деле, что представляют собой несколько тысяч убитых начиная с апреля 1925 года в сравнении с 5-ю миллионным населением Болгарии — даже если прибавить 18.000 убитых во время июньских и сентябрьских событий в 1923 году.

Многим были сообщены слова министра правосудия и это увеличило тревогу тех, которые и без того ожидали «варфоломеевской ночи». Некоторые ждали этой роковой ночи с нервным напряжением, имея еще слабую надежду, что они будут пощажены, а другие принимали меры предосторожности.

Товарищи не спали по своим домам целыми неделями.

Вспоминаю одну холодную февральскую ночь, когда один товарищ из Лясковца постучал в окно моей новой квартиры» и с дрожью в голосе мне сообщил, что один человек из «контра-четы» (карат. отряда) ему заявил, что в эту же ночь будут арестованы и «уведены» все анархисты из города Лясковец. «Брат, этой ночью нас всех перебьют...» — сказал он и ушел.

Нужны были квартиры для 10-ти товарищей. Тогда они были спасены, но теперь никого из них уже нет в живых...

Все те, которые знали, что их имена фигурируют в списках и ожидали еженощно исполнения тайного приговора, находились все время в состоянии крайнего напряжения и тревоги, не будучи в силах отдаться какому-нибудь делу. Положение их было очень щекотливое: попытаться уехать — паспортов не дают; бежать — зима лютая; оставаться — смерть над головой... Февраль, однако прошел «благополучно», если не считать нескольких единичных случаев убийств, число которых со дня на день увеличивалось. «Видный правительственный чиновник» сообщил, что не было еще повода для повальных убийств. Не прошло много времени и правительственная пресса принялась назначать революцию, опре деляя ее начало на середину апреля, а иногда даже указывая точную дату — 15-ое апреля.

Наконец, 16-го апреля произошел взрыв в соборе «Святая Неделя» и необходимый повод был дан.

Трудно еще теперь сделать полный список жертв — взятых правительственными палачами когда «повод» был дан. Только сейчас — 9 месяцев после аттентата — мы узнаем о трагической смерти многих и многих товарищей, а сколько еще остается их в неизвестности ... В Тырновском округе самое большое число жертв дал город Лясковец, причем никем из убитых никакого «повода» к убийствам не было дано Наших товарищей в этом городе пало 13 человек. Имена восьми из них сообщены (см. «Д. Тр.» N5). Имена остальных суть — Иван Топалов, Христо Рочов, Тодор Матров, Стателов и Димо Кьорчев (б. коммунист — сочувствов. в последнее время анархич. идеям).

Трупы их были найдены в низинах реки Янтры. Когда родные находили их — и воздух оглашался душераздирающим плачем матерей, то палачи старались этих сцен не допускать. Один «трудовак» (военнообязанный, отбывающий вместо военной службы трудовую повинность) заметил в реке Янтре, недалеко от тырновских казарм, труп одного своего друга. Желая вытащить его из воды, он нанял одного юродивого себе на помощь Начальство узнало об этом и оба они — «трудовак» и юродивый — были подвергнуты за это «преступление«» нечеловеческим пыткам. Нельзя не вспомнить об этих пытках. Сведения полученные до сих пор, о способах применения пыток к многим из упомянутых выше товарищей говорят о небывалых жестокостях. Христо Кисьову наливали в уши растопленное масло — он от этого умер. Димитр Матров и Марин Прапинов,, после того, как их жестоко избили, были связаны колючей проволокой вокруг шей и привязаны к телеге, волочившей их до тех пор, пока от них ничего не осталось... Печальна участь одного семейства из Лясковеца — семейства Матровых. После аттентата в Софии два сына из этой семьи успели спастись и скрыться. Их мать и десятилетний братик были арестованы и после долгих мучений посажены в тюрьму. Еще в первые дни меньший сын, Димитр,— был схвачен и — вышеописанным образом — убит, но мать с малолетним сыном продолжали томиться в тюрьме. В это время старший сын — гонимый и преследуемый — продолжал скитаться в лесах без связи с живым миром. Мучимый голодом, лишениями и душевными терзаниями он поколебался и решил предаться в руки властей, надеясь этим спасти хотя бы свою мать и братика. Но с ним поступили не лучше, чем со могими сотнями других... Под обещанием, что его родные будут освобождены, от него добились некоторых признаний и, после того, как успели обременить его совесть преступлением против своих товарищей, бросили в тюрьму и немного спустя — убили. Теперь дом семейства Матровых стоит глухой и мрачный на окраине города, наглухо заколоченный, без своих обитателей. Два старших сына — убиты, мать и ребенок — в тюрьме. Вот, что называется «спасением культуры» ... Вот для чего профессора бросают науку и становятся политиками.

Безумие их не имеет пределов. В Тырново они напали среди бела дня на одного из старейших социалистов в Болгарии коммунист. депутата Габровского и пытались его убить, но — неудачно. Скоро после этого они ворвались в его дом и там его убили на глазах его жены и друга. В своем нравственном помрачении они идут еще дальше. Свои жертвы они находят и в поле, на пашне. . Так, Денчо Палазов, из Калифарево о котором мы в прошлом письме писали, убит на своем поле за плугом... Он был единственным сыном у своей матери — вдовы, потерявшей мужа на войне.

Из Горной-Оряховицы убит Стефан Мутафов (черный). После месячного ареста его освободили с условием, чтобы он 3 раза в день являлся в участок. Через несколько дней после освобождения он «исчез». Он оставил мать и сестру, для которых он был единственным кормильцем.

Самые различные слухи носились об известном по своей деятельности анархисте Георгии Шайтанове из Ямбола.

Теперь, наконец, стало ясно, что и он убит. Вместе с Мариолой Сираковой из Калифарево он был арестован 26 мая 925 года. Четыре дня продержали его в Ново Загорской тюрьме и «30 мая — пишет один товарищ из ... — явились шесть человек гвардейцев с офицерами во главе, взяли его, чтобы доставить в Софию вместе с другими 10-ью арестантами и... когда прибыли на станцию Кричим, все исчезли бесследно»...

Какой удар нанесен убийством Шайтанова анархическому движению в Болгарии знает каждый, кто прочел хотя бы одну его статью, или знал его издали.

Но разве он был единственный — с дарованием, силой желанием строить новую жизнь?...

Их было много — имя им легион.

Они пришли, быть-может, слишком рано и также рано ушли. Они прошли нерадостное и печальное «вчера», чтобы жить со счастливым «завтра».

Г.

Нам сообщают из Болгарии:

Тов. Б. был выпущен недавно из тюрьмы под надзор полиции в городе К. Зная, что он продолжает находиться в опасности, Б. пожелал уехать заграницу, но не мог достать нужных для этого средств Черезнесколько дней после его «освобождения» он «бесследно исчез».

В N арестованы два товарища. Жизни их угрожает опасность.

В городе Лясковец расстреляны недавно 18 товарищей за отказ дать требуемые следователем показания. Подробности следуют

Товарищи Не забывайте своих братьев в Болгарии. Адрес «Комитета Помощи преследуемым анархистам в Болгарии»—

Berthe Fabert,
Librairie Internationale
72, Rue des Prairies, Paris (XX).

КОНФЕРЕНЦИЯ ИТАЛЬЯНСКИХ СИНДИКАЛИСТОВ

Состоялась в Париже Конференция делегатов эмигрантов Синдикалистического Итальянского Союза (Unione Sindacale Italiana). Несколькими месяцами раньше состоялась в Италии конференция союза. Параллельно с проводимой в Италии линией синдикалисты-эмигранты желают скрепить организационные узы, связывающие их.

На Парижской Конференции Unione Sindacale Italiana присутствовали лучшие деятели итальянского синдикализма. Самые энергичные товарищи из местных союзов должны были эмигрировать, ибо фашисты уничтожают всякую возможность существованья живых профсоюзов и своими неустанными преследованиями вынуждают т-щей уезжать заграницу. Среди делегатов на парижской конференции были представители Биржи Труда Пиаченцы, Болоньи, Сэстри Понэнтэ, Бащано, Борговово, Таранто; кроме того делегаты от синдикалистического союза Прото Карнико, Синдиката Углекопов Пиаченцы, Ливорнского местного союза и союза железнодорожников, синдикалистического союза металлистов Больцанэтто. Присутствовали также члены секретариата Бирж Труда Пиамбино, Эльбы, Мореммы, Вадо Лигуре и Казаля Монтрефрото. Тов. А. Борги присутствовал как представитель исполнительного Бюро Unione Syndacale Italiana. От Международного Товарищества Рабочих присутствовал т. А. Шапиро.

Важнейшим обсуждаемым конференцией вопросом был вопрос о едином фронте. В Италии положение таковое: революционно-синдикалистические организации Unione Sindacale Italiana разбиты правительством; они влачат жалкое и крайне тяжелое нелегальное существование. С другой стороны реформистские профсоюзы почти не тронуты фашистами, что привело некоторых анархистов к убеждению, что теперь более чем когда бы то ни было следует вступить в реформистические профсоюзы, для проведения в них линии революционной борьбы. Конференция высказалась против вступления товарищей в реформ. профсоюз и приняла следующую резолюцию.:

«В согласии с письмами и декларациями полученными от многочисленных итальянских синдикалистических рабочих-эмигрантов и приняв во внимание последние происшествия в мире труда, как конгрессы двух французских всеобщих конференций Труда, угнетение свободы трудовых организаций в России при наличии их полной зависимости от диктатуры компартии, согласие коррумпированных реформистских профсоюзов Франции с военной политикой и колониальным империализмом ее правительства, филофашистскую декларацию Итальянской Конфедерации Труда (секции Амстердамского проф. Интернационала); учитывая также крайне тяжелые условия, в которых живет рабочий класс во всех странах, Конференция призывает революционный пролетариат не сотрудничать с изменниками рабочего дела и возобновить свое доверие безгосударственному (libertario) рабочему движению; не ограничиваться отказом от совместной работы с авторитарными и централистическими организациями и развить свою деятельность в направлении создания антигосударственного рабочего движения, какое представляла собой в Италии Unione Sindacale Italiana и в международном масштабе Международное Товарищество Рабочих.»

С'ЕЗД ПО ПОВОДУ 2 ½-го ИНТЕРНАЦИОНАЛА.

В Париже состоялся международный с'езд социалистических партий, не входящих в состав 2-го и 3-го интернационалов. Среди представленных на с'езде партий была большая разношерстность. Наряду с такой умеренной социал-демократической партией как «Бунд», на с'езде были представлены русские левые эс-эры и максималисты.

Такое «соседство» не делает большой чести левым эс-эрам, считающимся левее коммунистов.

С'езд избрал международное бюро. Секретарем бюро избрана Анжелика Балабанова, бывший секретарь коминтерна.

ОТЧЕТ

Группы Русских Анархистов Заграницей с 1. II. 926 г. по 15. III. 926 г.

Приход: переходная сумма на 1. II. 926 г. — 556 ф. 70 с и 10 ч. кр., из Детройта (28 д. 50 с.) — 712 фр., за Д. Тр. в Париже — 25 фр. 60 с., членск. взн. — 35 фр.
Всего прихода — 1329 фр. 30 с. и 10 ч. кр.

Расход : В типогр. (Д. Т. №9) — 1265 фр.; экспед., корресп. и др. — 118 фр. 30 с.

Всего расхода — 1383 фр. 30 с.
Перерасход на 15. III. 926 г. — 54 фр.

Le Gérant : Jules CHAZANOFF

Imp. L. Beresniak, 12, rue Lagrange Paris.